

ПОЛИТИКА ВЫБОРА. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И СИНЬЦЗЯНА ПОСЛЕ САМОРОСПУСКА ВОСТОЧНО-ТУРКЕСТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1946–1947 ГГ.)

В.А. Бармин

Отдельные сюжеты, связанные с политикой Советского Союза в отношении самой крупной провинции Китая, Синьцзян, в 20–40-х годах XX в., исследованы сравнительно слабо, несмотря на активный интерес российских и зарубежных историков. В ряде случаев они, в связи с отсутствием источников, страдают фрагментарностью, а зачастую и вовсе остаются за рамками работ. К таким сюжетам с полным правом можно отнести вопросы выработки и реализации советским руководством политики в отношении повстанческого движения коренных народов Синьцзяна против китайских властей в 1944–1949 гг., деятельности непризнанной Восточно-Туркестанской республики, созданной повстанцами на освобожденной ими территории, а также попыток примирения противостоящих сторон путем создания коалиционного правительства.

Между тем без восприятия и понимания всего комплекса событий, разворачивавшихся здесь, невозможно восстановить реальные истоки решений, принятых в Москве. Особенно это касается вопросов, связанных с решением прекратить поддержку самопровозглашенной Восточно-Туркестанской республики и настоять на участии повстанцев в создании и деятельности коалиционного правительства провинции. В то же время после формирования такого правительства советское руководство не пошло на восстановление с ним торго-

экономических отношений, продолжив развивать связи с так называемыми освобожденными районами.

В ноябре 1944 г. в трех северных округах китайской провинции Синьцзян: Тарбагатайском, Илийском и Алтайском — началось мощное национально-освободительное восстание коренных народов Синьцзяна против китайского владычества. 15 ноября, после освобождения от китайских войск столицы Илийского округа, г. Кульджи, повстанцы провозгласили создание Восточно-Туркестанской Республики. Летом 1945 г. в территориальные границы ВТР вошли Тарбагатайский и Алтайский округа. К осени 1945 г. армия ВТР, пользуясь материальной и военно-технической поддержкой Советского Союза, не только полностью освободила от китайских войск территорию всех трех округов, но вышла к реке Манас, от которой до столицы Синьцзяна, Урумчи, оставалось около 220 км.

Однако 14 августа 1945 г. Советский Союз, готовясь к вступлению в войну против милитаристской Японии, подписал с Китаем «Договор о дружбе и союзе», что резко изменило его позицию в отношении повстанческого движения в Синьцзяне. Советское руководство настояло на том, чтобы правительство ВТР вступило в переговоры с делегацией Центрального правительства Китая с целью подписания мирного договора. В октябре 1945 г. эти переговоры начались, 2 января

1946 г. между сторонами было подписано предварительное соглашение «О прекращении военных действий и мирном урегулировании спорных политических и экономических вопросов». Оно вступило в силу после утверждения его Центральным правительством Китая 6 июня 1946 г. В соответствии с этим соглашением создавалось коалиционное правительство, в которое входили и представители освобожденных районов. 1 июля 1946 г. коалиционное правительство Синьцзяна приняло на себя всю полноту власти в провинции.

Взаимоотношения Советского Союза и провинции Синьцзян после заключения мирного соглашения между Центральным правительством и повстанцами, создания и начала деятельности коалиционного правительства носили весьма сложный и противоречивый характер. На содержании этих отношений сказывались многие обстоятельства как объективного, так и субъективного характера. Но основной задачей, которую продолжало решать советское руководство в этом регионе в рассматриваемый период, по-прежнему оставалось сохранение здесь политического и экономического влияния.

Это влияние было почти полностью утеряно на большей части территории провинции в 1942–1943 гг. и возвращено в полном объеме только в трех освобожденных округах: Илийском, Тарбагатайском и Алтайском — после победы здесь национально-освободительного движения в 1945 г. Но, во-первых, на территории именно этих округов находились разработки наиболее ценных и необходимых Советскому государству полезных ископаемых, а во-вторых, вероятный успех в гражданской войне антигоминьдановских сил во главе с КПК, которые поддерживались Советским Союзом, делали перспективу возврата былого влияния на всю провинцию вполне реальной. Нет сомнений, что эти факторы играли существенную, если не основ-

ную, роль в отношениях, которые складывались между СССР и Синьцзяном в 1946–1947 гг.

Члены коалиционного правительства Синьцзяна и его председатель, генерал Чжан Чжичжун, хорошо осознавали, что выход из глубочайшего экономического кризиса, в котором в это время находилась провинция, был во многом связан с восстановлением полнообъемных торгово-экономических связей с Советским Союзом. Объемы торговых операций Синьцзяна с Советским Союзом, до 1942 г. во многом определявшие экономическое благополучие провинции, продолжали сокращаться, а поставка некоторых видов товаров и сырья, как например, хлопка, кожсырья, пушнины, сухофруктов, шелка-сырца, китайской стороной была прекращена¹. В то же время прекращение завоза советских промышленных товаров на синьцзянский рынок привело к тому, что в 1944–1946 гг. цены на хлопчатобумажные ткани и обувь выросли в 100 раз, на сахар — в 35 раз, а большая часть товаров повседневного спроса перешла в разряд дефицитных². Поэтому попытки нормализации этих отношений были предприняты руководством провинции уже в первые месяцы после начала деятельности нового правительства.

Инициатором восстановления утраченного доверия между сторонами и возврата основ былого сотрудничества выступил сам председатель правительства провинции. Опыт политика подсказал Чжан Чжичжуну, что начинать этот процесс необходимо с восстановления работы тех общественных организаций и объединений, прекращение деятельности которых в свое время стало олицетворением разрыва советско-китайских отношений в Синьцзяне.

¹ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР и Китая (1917–1974). М., 1977. С. 152.

² Там же. С. 151.

Десятого ноября 1946 г. на имя председателя правления «Всесоюзного общества культурных связей с заграницей» Кеменова поступила информационная записка из генерального консульства СССР в Урумчи, которая достаточно наглядно характеризует меры, принятые Чжан Чжичжунем в этом направлении. В информации сообщалось, что «...по инициативе генерала Чжана в середине сентября месяца сего года был поднят вопрос об организации общества советско-китайских культурных связей в Синьцзяне. Для этого была создана специальная инициативная группа в количестве 7 человек. В нее вошли мэр Урумчи Цю, уполномоченный МИД Китая в Синьцзяне Лю Цзэжун, начальник департамента просвещения Абдукерим Аббасов и от советского консульства Ульмасов, Константинов и Суворов. 22 октября инициативной группой под руководством генерала Чжана было созвано первое учредительное собрание общества. На собрании участвовало, примерно, 160 человек. ... Собрание прошло с большим подъемом. На собрании с большой речью выступил генерал Чжан, который все свое выступление посвятил задачам укрепления дружбы между обеими странами»³.

Весьма показательным примером того, какое внимание уделял на первых порах председатель правительства вопросам восстановления сотрудничества с Советским Союзом, является состав членов правления воссозданного Китайско-советского культурного общества в Синьцзяне. В него вошли от китайской стороны сам Чжан Чжичжун в качестве председателя, членами правления стали заместители председателя коалиционного правительства, несколько ключевых фигур из числа членов правительства, а также известные общественные и политические деятели провинции.

Еще до восстановления китайско-советского культурного общества в Синьцзяне при содействии провинциальных властей активизировалась работа русского клуба в Урумчи. В информации, направленной вице-консулом консульства СССР в Урумчи Ульмасовым на имя заместителя управления «Экспортфильма» Чукина, сообщалось: «В уйгурском и русском клубах... было показано 113 кинофильмов, в том числе художественных — 81, документальных — 32, из них озвученных на уйгурском языке — 31»⁴. Кроме того, в качестве жеста доброй воли правительство Синьцзяна предложило Советскому Союзу оказать всяческое содействие по доставке на советскую территорию товаров, закупленных в самой провинции и поставленных из центральных районов Китая до начала боевых действий с повстанцами. Эти товары ранее не представлялось возможным перевезти через линию фронта, и они с конца 1944 и до начала 1947 г. оставались на синьцзянских базах. С января по июнь 1947 г. все эти товары с помощью китайских властей были доставлены в Советский Союз⁵.

После некоторого оживления общественных связей между сопредельными сторонами и подобных жестов доброй воли, которые должны были обозначить смену политической линии руководства провинции в отношениях с СССР, Чжан Чжичжун считал возможным обратиться к советскому правительству с предложением о восстановлении торгово-экономического сотрудничества. Следует отметить, что и Центральное правительство Китая считало необходимым восстановление экономических связей Синьцзяна с Советским Союзом при условии, что они будут носить взаимовыгодный и рав-

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 18. Д. 47. Л. 11–12.

⁴ Там же. Л. 25.

⁵ Шэн Ли. Синьцзян Э Су Маои Ши 1600–1900 (История торговых отношений Синьцзяна с Россией в 1600–1990 гг.). Урумчи, 1994. С. 539.

ноправный характер. Эти соображения также определялись ясным пониманием невозможности для провинции другого выхода из экономического кризиса. Оказать Синьцзяну реальную экономическую помощь в условиях послевоенной разрухи и начавшейся гражданской войны сам центр не мог. Об этом свидетельствовала безрезультатная поездка за такой помощью председателя провинциального правительства зимой 1946–1947 гг.⁶

Четвертого ноября 1946 г. Чжан Чжичжун передал генконсулу СССР в Урумчи А.И. Савельеву адресованные советскому правительству предложения о восстановлении торгово-экономических связей Синьцзяна с Советским Союзом и о создании в рамках предполагаемого сотрудничества смешанных китайско-советских обществ, которые должны были вести разведку и добычу вольфрама, олова и нефти⁷.

Предложения китайской стороны были достаточно выгодны и вызвали заинтересованность как у Министерства внешней торговли СССР, так и у других советских ведомств, которых они в той или иной мере касались. Однако руководство Советского Союза отнеслось к предложению Чжан Чжичжуна достаточно сдержанно. Причин этой сдержанности было несколько. Прежде всего, активизация сотрудничества с Синьцзяном вела к объективному укреплению экономической базы гоминьдановского правительства в этом регионе. Между тем в условиях борьбы Гоминьдана с КПК всякое укрепление экономики в районах, контролируемых правительством Чан Кайши, противоречило интересам Советского Союза, который поддерживал китайских коммунистов.

⁶ Benson L. The Ili Rebellion. The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang 1944-1949. Armonk, New York, London, 1990. P. 106.

⁷ Сладковский М.И. Указ. соч. С. 156; Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968. С. 144.

Весьма существенную роль в сдержанном отношении советских лидеров к возобновлению экономического сотрудничества с Синьцзяном играло и то, что, по их мнению, Центральное правительство Китая и его представители в правительстве провинции во главе с самим председателем стали активными проводниками усиления американского и английского влияния в этом районе. Понимая опасения советской стороны и пытаясь снять небезосновательные подозрения, Чжан Чжичжун в беседах с советским послом в Китае А.А. Петровым настойчиво доказывал, что в Синьцзяне нет «...ни китайско-американских, ни китайско-английских отношений, а есть только китайско-советские отношения», и Синьцзян может и должен стать «образцом китайско-советской дружбы». Для того чтобы добиться этого, сторонам необходимо в позитивном ключе урегулировать все проблемные вопросы и «ускорить заключение советско-китайского соглашения об экономическом сотрудничестве в этой провинции»⁸. Однако заверения Чжан Чжичжуна воспринимались в Москве весьма скептически, ибо наряду с извечной подозрительностью здесь располагали и действительными фактами усиления в Синьцзяне влияния англичан и особенно американцев, начиная с 1943 г.

Попытки провинциального правительства Синьцзяна форсировать процесс восстановления торгово-экономических отношений с Советским Союзом закончились неудачей. Уже на уровне предварительного обсуждения положений будущего соглашения стало ясно, что советская сторона, выдвигая заведомо неприемлемые условия, затягивает начало договорного процесса. У истоков череды все новых предварительных условий перед началом возможных переговоров стояло советское консульство в Урумчи.

⁸ Ледовский А.М. На дипломатической работе в Китае в 1942–1952 гг. // Новая и Новейшая история. 1993. № 6. С. 114.

Во время одной из своих постоянных встреч с американским консулом, в апреле 1947 г., Чжан Чжичжун с очевидным раздражением заметил, что он признает огромное содействие генеральному консульству СССР в установлении мирных отношений с повстанцами. Однако, по его мнению, «...в настоящее время сотрудники консульства ... не проявляют ни готовности к сотрудничеству, ни разумной трезвости при обсуждении вопросов, глупо хватаясь за малейшие выгоды. Ему пока непонятно, чем обусловлены эти перемены в действиях сотрудников консульства: сменой личного состава консульства или изменениями в политической линии советского правительства»⁹.

К середине 1947 г. китайцам стало ясно, что предложение синьцзянского правительства относительно восстановления торгово-экономических связей с Советским Союзом не находят у руководства последнего поддержки. Тем не менее они неоднократно давали понять, что это предложение остается в силе. В августе 1947 г. Москва, решив снять проблему, обозначила формальную причину отказа от обсуждения, внесенного китайцами предложения. В.М. Молотов отдал распоряжение генеральному консулу СССР в Урумчи А.И. Савельеву, чтобы китайцам в случае, если они вновь поднимут вопрос о торгово-экономическом сотрудничестве в Синьцзяне, было заявлено, что советская сторона готова будет приступить к обсуждению этого вопроса после заключения нового соглашения о советско-китайской авиалинии «Хамиата»¹⁰. Однако к переговорам относительно авиалинии советская сторона по тем же самым причинам намеревалась приступить не ранее февраля 1949 г.¹¹

⁹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1947. Volume VII. P. 552.

¹⁰ АВП РФ. Ф. Референтура по Китаю. Оп. 34. П. 255. Д. 43. Л. 9–10.

¹¹ Ледовский А.М. Указ. соч. С. 114.

Таким образом, вопрос о восстановлении советско-китайского экономического сотрудничества в Синьцзяне в рассматриваемый период был, по существу, снят с повестки дня. Стратегические планы советского правительства в этом регионе исключали пусть выгодные, но не отвечающие политическим интересам Советского Союза, связи с контролируемой гоминьдановцами провинцией.

Не желая восстанавливать торгово-экономические отношения с правительством Синьцзяна, советские руководители в то же время продолжали курс на активное всестороннее сотрудничество с освобожденными округами. Хозяйственно-экономическая структура этих округов после подписания мирного соглашения между повстанцами и Центральным правительством продолжала действовать совершенно автономно, имея собственную управленческую и финансовую систему. При этом, по целому ряду объективных обстоятельств, экономика этих районов имела более выгодные условия для развития, нежели остальные семь округов провинции. К этим условиям необходимо отнести, прежде всего, наличие у всех трех округов границы с Советским Союзом и восстановленные со своим северным соседом, уже в начале 1945 г., хозяйственные связи.

Следует также отметить, что торговые операции освобожденных округов с советскими торговыми организациями имели постоянную тенденцию к росту. Объемы товарооборота с этими округами уже к середине 1946 года стали столь значительны, что Совсиньторг вынужден был создать в Хоргосе, Бахты и Май-Капчагае новые оптовые торговые базы, «...где синьцзянские коммерсанты обменивали свои товары по ценам, установившимся в предшествующие годы»¹².

Более того, для упрощения и облегчения торговли советскими властями и администрацией освобожденных округов были приняты меры, по существу

¹² Сладковский М.И. Указ. соч. С. 153.

отменявшие формальности при переходе границы. В июне 1946 г. командование советских погранвойск, дислоцированных на советско-китайской границе Средней Азии, было отдано распоряжение «О дальнейшем нелегальном пропуске через границу в СССР жителей Синьцзяна по надобностям торговли»¹³. Автор вышедшей в 1994 г. в Синьцзяне фундаментальной работы «История торговых отношений Синьцзяна и Советского Союза (1600–1990)» профессор Ли Шен, касаясь этого вопроса, также указывает, что, после того как Советский Союз помог мятежникам установить власть в Илийском, Тарбагатайском и Алтайском округах, созданное ими временное правительство ликвидировало на советско-китайской границе все таможи. Основные торговые операции с Советским Союзом в 1945–1946 гг. вела созданная этим правительством «Илийская компания развития», поставляя в СССР, без уплаты каких-либо таможенных сборов, кожу, шерсть, козий пух, верблюжью шерсть, свиную щетину и т.д.»¹⁴.

О значительном росте товарооборота между СССР и освобожденными округами в 1945–1947 гг. говорит, например, тот факт, что поставки скота из этих районов уже к концу 1945 г. возросли на 15–20%. Так, в отчетах контора «Заготскот» и «Скотоимпорт» Казахской ССР за 1945 г. указывается, что Алма-Атинской конторой «Скотоимпорт» дополнительно «для приемки импортного скота в 1945 году установлено 2 пограничных приемных пункта, а именно: 1. Сумбе-Нарынокольского района и 2. Кульджа-Уйгурского района»¹⁵. Семипалатинская контора «Скотоимпорт» за 8 месяцев 1945 г. закупила в Синьцзяне 21 577 голов крупного рогато-

го скота при плане 18 680, перевыполнив свои обязательства на 15,5%¹⁶.

Однако основными и важнейшими видами продукции, которые Советское государство закупало в освобожденных округах, являлись редкие и цветные металлы. Основные разработки вольфрама и олова велись на территории Алтайского округа и обслуживались советскими инженерами, техниками и мастерами. Американский исследователь Ли Чанг, ссылаясь на данные Министерства национальной безопасности гоминьдановского правительства за 1948 г., приводит следующие цифры, характеризующие объемы добычи и вывоза в Советский Союз вольфрама: «В 1945 году добыто 150 тонн, занято 3000 рабочих; в 1946 — 450 тонн при 10 000 рабочих; в 1947 — 1000 тонн при 20 тысячах рабочих»¹⁷. При этом, по утверждению Ли Чанга, на рудниках постоянно работали и были заняты 1000 советских специалистов, 3000 шахтеров и 4120 человек охраны¹⁸. Даже с учетом возможного завышения приведенных данных есть все основания считать, что Советский Союз вел на территории трех округов масштабные работы по разведке и добыче полезных ископаемых.

Английский исследователь и журналист И. Моррисон, встречавшийся и беседовавший в августе 1948 г. с Оспанбатыром, бывшим руководителем повстанческого движения в Алтайском округе, перешедшим позже на сторону китайских властей провинции, пишет, ссылаясь на его утверждение, что «русские теперь контролируют вольфрамовые шахты на Алтае и увеличивают ежедневную добычу»¹⁹. С 1 июля 1947 г. были возобновлены промысловые работы

¹³ ГАРФ. Ф. Р-9401 («Особая папка» Л.П. Берии). Оп. 2. Д. 148. Л. 76.

¹⁴ Шен Ли. Указ. соч. С. 531–532.

¹⁵ Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 9. Д. 1677. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 27.

¹⁷ Chang Li. The Soviet Grip on Sinkiang // Foreign Affairs An American Quarterly Review. Vol. XXXII. № 3, April 1954. P. 502.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Morrison I. Some Notes on the Kazaks of Sinkiang // Journal of the Royal Central Asian Society. Vol. XXXVI, January 1949. Part I. P. 70.

на нефтяных промыслах Тушанцзы. Сюда было доставлено советское оборудование и прибыли советские специалисты. Причем значительная часть добываемой здесь нефти и производимого бензина также вывозилась на советскую территорию²⁰.

Помимо добычи нефти, цветных и редких металлов советскими специалистами велись в этом регионе активные геологоразведочные работы. В итоге в 1946–1948 гг. были открыты промышленные залежи алмазов, золота, висмута, асбеста, гипса, ртути и других полезных ископаемых²¹. Столь целенаправленная работа позволяет предполагать наличие масштабных и конкретных планов, существовавших у советского руководства в отношении этого района.

Следует заметить, что отношения Советского Союза с освобожденными округами Синьцзяна не ограничивались только торгово-экономическим сотрудничеством. Начиная с 1945 г. с этими районами были возобновлены культурные связи населения советских среднеазиатских республик. Сюда выезжали уйгурские, казахские и киргизские концертные бригады и театральные коллективы. В гг.: Чугучак, Кульджа, Шара-Сумэ — завозились книги, газеты и кинофильмы на казахском и уйгурском языках. В свою очередь, выходившие в этих округах газеты и журналы (в освобожденных округах выходило 11 газет и 4 журнала с разовым тиражом в 1490 экземпляров)²² знакомили своих читателей с событиями, происходившими в Советском Союзе. Например, газета «Халк Айвази» («Голос народа»), выходившая в г. Чугучак в течение 1947 г., поместила на своих страницах 52 статьи и перепечатки о Советском Союзе. Газета «Циклобачил Яшлар» («Революционная молодежь»), также вы-

ходившая в Чугучаке, — 20 статей и перепечаток. Кроме того, в этой газете регулярно выходили так называемые русские страницы²³.

Довольно часто населению освобожденных округов оказывалась экономическая помощь, что в условиях послевоенной разрухи было весьма непросто. Так, в июне 1946 г. министр внутренних дел СССР Круглов направил В.М. Молотову следующее письмо: «По сообщению Всесоюзного экспортно-импортного объединения по торговле с Синьцзяном (Совсиньторг), губернатор Алтайского округа Синьцзяна, в связи с затруднениями в снабжении хлебом и зернопродуктами для селян занятых повстанцами районов, обратился через советского консула с просьбой об отпуске 500 тонн пшеницы. Просьба была удовлетворена, и зерно уже доставлено в Тополев Мыс, в 70 км от границы на нашей территории.

Председатель объединения «Совсиньторг» просит разрешения на пропуск через границу синьцзянского каравана из 300 верблюдов с погонщиками до Тополева Мыса и обратно; караван уже прибыл из Синьцзяна к нашей границе. МВД СССР против пропуска каравана не возражает»²⁴. Подобного рода эпизоды были частым явлением в отношениях между освобожденными округами и Советским Союзом.

Начиная с мая 1947 г., после назначения на должность председателя коалиционного правительства Масуда Сабри, одного из общепризнанных идеологов и лидеров пантюркизма, отношения между Советским Союзом и Синьцзяном начали вновь быстро ухудшаться. Их окончательное охлаждение наступило после того, как в начале июня 1947 г. в местечке Байташань на синьцзянском участке китайско-монгольской границы произошел серьезный инцидент с участием войск Монгольской Народной Республики

²⁰ Chang Li. Op. Cit. 502.

²¹ Ibidem.

²² Хакимбаев А.А. Национально-освободительное движение в Синьцзяне в 1931–1949 гг. : в 2 ч. Ч. II. М., 1974. С. 93.

²³ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 18. Д. 82. Л. 37–41.

²⁴ ГАРФ. Ф. 9401-с («Особая папка» В.М. Молотова). Оп. 2. Д. 142. Л. 306.

и Китая, а в августе того же года было разорвано мирное соглашение между освобожденными округами и гоминьдановским правительством.

По официальной версии правительства Монгольской Народной Республики, 2 июня 1947 г. отряд казахов, насчитывавший несколько сот человек, во главе с Оспан-батыром и поддерживавшие их подразделения регулярной гоминьдановской армии, уничтожив монгольскую пограничную заставу, пересекли китайско-монгольскую границу и проникли вглубь монгольской территории. Подошедшие в район нарушения монгольские войска 5 июня 1947 г. в ходе ожесточенного боя вытеснили нарушителей за линию государственной границы, нанеся им существенный урон. В ходе боевых действий части монгольской армии поддерживались авиацией²⁵.

Однако те же события в версии, изложенной Центральным телеграфным агентством китайского правительства в сообщении от 9 июня, выглядели совсем иначе. По данным, которыми располагало агентство (эти данные могли быть предоставлены только синьцзянскими властями, поскольку гоминьдановские правительственные структуры, по мнению американских дипломатов, даже не знали, в какой точке провинции находится Байташань. — *В.Б.*), кавалерийское подразделение Монгольской Народной республики 5 июня, нарушив государственную границу в районе местечка Байташань, напало на китайские части, дислоцировавшиеся в этом районе. В ходе боев это подразделение продвинулось вглубь китайской территории на 200 миль. Сообщалось также, что боевые действия монгольских частей «...поддерживали 4 самолета, имевшие опознавательные знаки СССР». Советские самолеты, по версии китайской стороны, продолжали бомбардировку и об-

стрел китайских войск и в последующие несколько дней²⁶.

Одиннадцатого июня посол Китая в Москве Фу Бичан вручил В.М. Молотову телеграмму министра иностранных дел Ван Шицзе, в которой тот обвинял Советский Союз в том, что «5 июня сего года 4 самолета с опознавательными знаками СССР, нарушив границу, перелетели на территорию Китая в Синьцзян и на расстоянии 200 км от границы над пунктом Байташань произвели бомбометание и обстрел китайских войск». В связи с этим, по поручению своего правительства министр заявлял «энергичный протест» и требовал «немедленного наказания виновников»²⁷. В ответ на обвинения китайцев 14 июня было опубликовано заявление ТАСС, в котором эти обвинения отвергались как «не соответствующие действительности и являющиеся провокационным вымыслом»²⁸. После этого между сторонами прошел обмен нотами с взаимными обвинениями и протестами²⁹.

Инцидент в Байташане осложнил и без того весьма непростые взаимоотношения Советского Союза и Китая в Синьцзяне. В то же время разрыв мирного соглашения между повстанцами трех округов и Центральным правительством, произошедший в августе того же года и приведший к новому витку противостояния между провинциальными властями и национально-освободительным движением, окончательно похоронил надежду на казавшуюся близкой и достижимой нормализацию этих отношений.

И Центральное правительство Китая, и руководители провинции, как уже

²⁶ Op.cit. P.567.

²⁷ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 41-а. П. 164. Д. 7. Л. 130.

²⁸ Правда. 14.06.1947.

²⁹ См.: ноты Поверенного в делах СССР в Китае министру иностранных дел Китая Ван Ши-цзе от 20 июня и 5 августа 1947 года и ноту министра иностранных дел Китая Ван Ши-цзе поверенному в делах СССР в Китае от 8 июля 1947 года // АВП РФ. Ф. 100. Оп. 41-а. П.164. Д. 7. Л. 62, 73, 87.

²⁵ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Paper. 1947. Volume VII. P. 566.

было отмечено, не сомневались в том, что восстание 1944–1945 гг. было инспирировано и поддерживалось Советским Союзом. Председатель провинциального правительства Чжан Чжичжун неоднократно заявлял об этом американскому консулу, ссылаясь на собственные наблюдения в качестве доказательств правоты. Не сомневался в этом и преемник Чжан Чжичжуна Масуд Сабри. Поэтому после разрыва мирного соглашения у них не было сомнений в том, что политическое и военное руководство освобожденных округов, за спинами которого стоит Советское государство, вернется к идее силового свержения существовавшей в провинции власти. Это было тем более реально в условиях, когда Советский Союз практически открыто поддерживал Компартию Китая, ведущую борьбу против гоминьдановского правительства.

Американский исследователь Г. Вэй, касаясь августовского политического кризиса в Синьцзяне, пишет в своей работе «Китай и Советская Россия»: «...Ситуация стала настолько критической, что правительству Китая пришлось отправлять в Урумчи оружие и боеприпасы на самолетах, так как имелись все основания ожидать нового восстания»³⁰. Понятно, что в этих условиях предложения о восстановлении и развитии торгово-экономических связей с Советским Со-

юзом, с которыми выступили провинциальные власти, были окончательно отставлены.

Таким образом, политика Советского Союза в отношении провинции Синьцзян в период действия мирного соглашения и деятельности коалиционного правительства определялась следующими обстоятельствами. С одной стороны, в Советском Союзе были убеждены в верности прогнозов о скором поражении гоминьдановского правительства от сил КПК в идущей гражданской войне. Приход к власти в Китае коммунистического режима должен был обеспечить возврат прежнего влияния СССР в Синьцзяне. В этих условиях руководители Советского государства не считали возможным идти навстречу предложениям о восстановлении экономических отношений с провинцией, ибо такое сотрудничество противоречило их планам и целям. С другой стороны, активное всестороннее сотрудничество с освобожденными округами позволяло советскому правительству сохранять на территории провинции своеобразный плацдарм для возможных будущих операций и одновременно удовлетворять, хоть и частично, нужды собственной промышленности в полезных ископаемых, имеющихся на территории этих районов. События 1948–1949 гг. в значительной степени подтвердили верность такой политической линии.

³⁰ Wey G. China and Soviet Russia. Princeton, New York. 1980. P. 207.